

Дозоры

Сергей Лукьяненко

Шестой
Дозор

АСТ
Москва

часть

Вынужденные
действия

Глава 1

— **Т**ы засиделся, — сказал Гесер.

— Где? — заинтересовался я.

— Не «где», а «на чем», — не отрывая взгляда от бумаг, сказал шеф. — На заднице.

Раз уж шеф начал грубить без повода — то он чем-то очень сильно озадачен. Не разозлен — тогда он предельно вежлив. Не испуган — тогда он печален и лиричен. А именно озадачен.

— Что случилось, Борис Игнатьевич? — спросил я.

— Антон Городецкий, — продолжил шеф, не поднимая глаз. — Десять лет в отделе обучения и образования — многовато, не находишь?

Я задумался. Что-то мне этот разговор напоминал. Но что?

— Есть претензии? — спросил я. — Работаю вроде хорошо... от оперативной работы тоже не уклоняюсь...

— А также периодически спасаешь мир, воспитываешь дочь, Абсолютную волшебницу, и ладишь с женой — Великой волшебницей... — кисло сказал шеф.

— Еще терплю шефа — Великого, — в тон ответил я.

Гесер соизволил поднять глаза. Кивнул.

— Да. Терпишь. И будешь терпеть. Итак, Антон Городецкий. В городе орудуют незарегистрированные вампиры. За неделю — семь нападений.

— Ого, — сказал я. — Каждый день жрут, мрази... А что наши оперативники?

Гесер меня будто и не слушал. Перебирал бумаги.

— Первая жертва... Александр Погорельский. Двадцать три года. Продавец в бутике... не женат... бла-бла-бла... напали среди белого дня в районе Таганки. Вторая жертва — на следующий день. Николай Рё. Сорок семь лет. Инженер. Район Преображенки. Третья — Татьяна Ильина. Девятнадцать лет. Студентка МГУ. Район Чертаново. Четвертая — Оксана Шемякина, пятьдесят два года. Уборщица. Район Митино. Пятая — Нина Лисицына, школьница, десять лет...

— Вот мразь... — вырвалось у меня.

— Среди бела дня, район Матвеевский.

— На женщин перешел, — сказал я. — Распробовал. Теперь стал с возрастом экспериментировать...

— Шестая жертва — Геннадий Ардов. Шестьдесят. Пенсионер.

— Пара, что ли, нападает? — предположил я.

— Может быть, и пара, — сказал Гесер. — Но женская особь там точно есть.

— Откуда информация? Кто-то выжил и рассказал? — заинтересовался я.

Гесер мой вопрос проигнорировал.

— Седьмая, на данный момент — последняя. Оля Ялова, школьница, пятнадцать. Кстати, скажи спасибо своему знакомому, Дмитрию Пастухову. Он ее обнаружил и доставил к нам по горячим следам... что было очень полезно.

Гесер собрал все бумаги, подбил ладонью края, сложил их в папку.

— Так что, кто-то из жертв выжил? — спросил я с надеждой.

— Да. — Гесер секунду помедлил, глядя мне в глаза. — Все выжили.

— Как — все? — Я даже растерялся. — А... но тогда... обращения?

— Нет. На них просто покормились. Немного. Последнюю девочку довольно сильно высосали, врач говорит о потере не менее литра крови. Но там все понятно — девочка шла к своему парню... и, видимо, у них намечался первый... э... коитус.

Как ни странно, но, говоря это, Гесер смутился. Впрочем, его смущение показал и использованный вместо слова «секс» медицинский термин.

— Понятно, — кивнул я. — Девчонка была вся в эндорфинах и половых гормонах. Вампир, какого бы пола он ни был, опьянел. Это еще повезло, что оторвался вообще... Я все понял, шеф. Сейчас я подберу команду и отправлю...

— Это твоя работа. — Гесер толкнул папку через стол. — Охотиться на эту вампиршу... или вампиров будешь ты.

— Почему? — поразился я.

— Потому что она или они так хотят.

— Они выдвинули какие-то требования? Что-то передали через жертв?

На лице Гесера появилась ехидная улыбка.

— Можно, конечно, сказать, что передали... Бери дело и иди. Кровь, если решишь работать классически, получишь на складе. Да... и позвони мне, когда до тебя дойдет.

— И вы мне что-то скажете умное, — мрачно сказал я, вставая и беря папку.

— Нет, я просто поспорил с Ольгой, сколько тебе времени потребуется, чтобы понять, Антон Городецкий. Она говорит про час, я — про четверть часа. Видишь, как я в тебя верю?

Из кабинета Гесера я вышел не попрощавшись.

А позвонил ему через полчаса, бегло просмотрев все документы, потом разложив их на столе и некоторое время вглядываясь в строки.

— Ну? — спросил Гесер.

— Александр. Николай. Татьяна. Оксана. Настя. Геннадий. Ольга. Следующую жертву звали бы, к примеру, Роман. Или Римма.

— Все-таки я ближе к истине, — самодовольно сказал Гесер. — Полчаса.

— Интересно, как они собираются обойтись с «и кратким»? — спросил я.

— Они?

— Полагаю, что все-таки да. Их двое, парень и девушка.

— Вероятно, ты прав, — согласился Гесер. — Что до имени... В Москве немало иностранцев с необычными именами. Но знаешь, лучше бы нам не доводить дело даже до «цэ».

Я помолчал. Гесер не прерывал связь. Я — тоже.

— Что хочешь спросить? — раздался наконец голос Гесера.

— Ту вампиршу... пятнадцать лет назад... которая напала на мальчика Егора... Ее точно казнили?

— Ее упокоили, — холодно сказал Гесер. — Да. Стопроцентно. Наверняка. Сам проверил.

— Когда?

— Сегодня утром. Я тоже первым делом подумал о ней. Проверь все, что у нас есть о возможности псевдовитализации упокоенных вампиров.

Вот теперь Гесер прервал связь. Значит, сказал мне все.

Все, что мне требовалось знать, конечно. А не все, что могло понадобиться, или все, что он сам знал.

Великие никогда не говорят все до конца.

И я тоже этому научился. Я тоже не сказал Гесеру все.

* * *

Госпиталь у нас размещался в полуподвале, на том же уровне, где и гостевые комнаты. Ниже были хранилища, тюремные камеры, прочие помещения повышенной опасности, требующие охраны.

Госпиталь никто и никогда специально не охраняет. В первых, он обычно пустует. Если кто-то из дозорных получает раны — целитель вылечит их за два-три часа. Если же не вылечит — то пациент скорее всего уже мертв.

Ну и во-вторых, любой целитель — это еще и очень квалифицированный убийца. Ведь стоит применить целительное заклинание «наоборот» — и результат будет фатален. Наших врачей защищать не надо, они сами кого угодно защитят. Как там говорил драчливый пьяный доктор в старой советской комедии? «Я врач! Я сломаю, я и вылечу!»

Однако сейчас, когда в госпитале был пациент, к тому же человек, пострадавший от Темного, у входа посадили охранника. Аркадий, недавно начавший работать в Дозоре, раньше был школьным учителем. В полном соответствии с ожиданиями окружающих он утверждал, что охотиться на упырей — куда легче, чем вести физику в десятом классе. Я его, конечно, знал — как и всех, обучавшихся в Ночном Дозоре за последние годы. Он меня — тем более.

Но у входа в госпитальный комплекс я, как положено, остановился. В соответствии с какими-то своими представлениями о подобающей форме для охранника Аркадий был в строгом синем костюме (что в принципе логично), но при этом еще и встал из-за стола (к счастью для охраны, паранойя у нас не достигла той степени, чтобы заставлять охранников стоять с заклинаниями на изготовку), осмотрел меня в обычном мире и Сумраке и только после этого открыл дверь. Все по инструкции. Я бы тоже так себя вел еще лет пять назад.

— Кто там с девочкой? — спросил я.

— Иван. Как обычно.

Иван мне нравился. Был он не просто целитель, а целитель-врач. Вообще-то у Иных человеческая специальность и магическое призвание совпадают редко, например, военные почти никогда не становятся боевыми магами. Но вот целители, как я по своей жене знаю, большей частью — врачи.

А врач он был хороший. Начинал еще земским врачом в конце девятнадцатого века. Работал где-то в Смоленской губернии. Там и был инициирован, стал Светлым, но с профессией врача не расстался. Был и в смоленском Дозоре, и в пермском, и в магаданском — жизнь его помотала. После Второй мировой даже осел в Австрии и там прожил десять лет — тоже работая врачом, потом жил в Заире, Новой Зеландии и Канаде. Потом вернулся в Россию и пошел в московский Дозор.

В общем, и жизненного опыта, и врачебного у него было хоть отбавляй. Да и выглядел он так, как положено врачу, — плотный, лет сорока пяти — пятидесяти на вид, седоватый, с короткой бородкой, в строгих очках, непременно в белом халате (в сумеречном образе — тоже) и со стетоскопом на груди. При виде его дети радостно кричали «Айболит!», а взрослые начинали честно выкладывать свой анамнез.

Единственное, чего он не любил, — это обращения по имени-отчеству. То ли за рубежом привык откликаться на «Иван», то ли была еще какая-то причина.

— Рад видеть, Антон. — Целитель встретил меня у входа в палату, выйдя из своего кабинета. — Тебе поручили?

— Да, Иван. — Я мимолетно подумал, что наш разговор какой-то очень формальный, будто сцена из дурного романа или паршивого сериала. Вот еще надо спросить, как чувствует себя девочка... — Как себя чувствует девочка?

— Уже неплохо. — Иван вздохнул. — Пошли, чаю выпьем, что ли? Она пока спит.

Я глянул сквозь стеклянную дверь. Девочка и впрямь лежала под одеялом, закрыв глаза. То ли спала, то ли делала вид. Проверять, даже незаметно для нее, магически мне показалось неправильным.

— Давай, — сказал я.

Чай Иван пить любил, причем самый банальный: черный с сахаром, лишь иногда с ломтиком лимона. Но чай этот был неизменно вкусен, каких-то необычных незнакомых сортов,

но при этом без травок, которые так часто любят сыпать в чай пожилые люди.

— Я однажды встречал человека, который кидал в чай лепестки герани, — сказал Иван, наливая заварку. Он не читал моих мыслей, он просто был достаточно стар и опытен, чтобы понять, о чем я думаю. — Гадость была жуткая. К тому же эти лепестки его медленно отравляли.

— И чем кончилось? — спросил я.

— Умер, — пожал плечами целитель. — Машина сбила. Ты хотел расспросить про девочку?

— Да. Как она?

— Уже все в порядке. Ситуация была не критическая, доставили вовремя. Девушка молодая, крепкая. Поэтому я не стал переливать кровь. Усилил гемопоэз, поставил капельницу с глюкозой, провел успокоительное заклинание и дал вальерьянку с пустырником.

— Зачем и то и другое?

— Ну, она сильно была напугана. — Иван позволил себе улыбнуться. — К твоему сведению, большинство людей, на которых кормится вампир, пугаются... Основная опасность была в большой кровопотери, шоке и морозе. Она могла потерять сознание, упасть где-нибудь в темной подворотне и замерзнуть насмерть. Хорошо, что вышла к людям. Хорошо, что ее привезли к нам — меньше работы по зачистке. А так — здоровая крепкая девочка.

— Полиция не обижайте, — попросил я. — Это наш полицейский. Хороший!

— Я знаю. Водителю память подтер.

— Водителю можно...

Пару минут мы просто гоняли чай. Потом Иван спросил: — Что тебя тревожит? Банальность же. Вампир с катушки слетел. Но хоть не убивает никого...

— Там есть одна странность, — уклончиво сказал я. — Если без деталей — у меня есть основания полагать, что это один знакомый мне вампир.

Иван нахмурился. Потом спросил:

— Это... Константин Савушкин?

Я вздрогнул. Ну да. Конечно. История с той вампиршей и случилась давно, и шума особо не наделала. Светлана, Высшая, затмила собой парочку незадачливых вампиров и едва не сожранного ими пацана. А вот про Костю, ставшего Высшим и едва не обратившего в Иных всех людей в мире, знал каждый Иной.

— Нет, Иван. Костя погиб. Сгорел. Совсем другая история, другой вампир... вампирша. Скажи, ты не сталкивался с тем, чтобы вампиры оживали?

— Они и так ожившие мертвецы, — спокойно сказал целитель.

— Ну да. В какой-то мере. Но вот чтобы упокоили вампира — а он ожил?

Иван задумался.

— Кажется, что-то слышал, — неохотно признал он. — Пopsрашивай в архиве, быть может, в прошлом что-то случилось... Кстати, о прошлом. Я тут один сериальчик посмотрел, про коллегу своего. Про Мишку.

— Какого Мишку? — спросил я.

— Ну, про Булгакова же! — сказал Иван таким тоном, что стало понятно — он говорит о человеке, знакомством с которым очень гордится.

А я и не знал, что Иван был близок со знаменитым писателем. Может, он причастен к тому, что Булгаков начал писать всяческую мистику и фантастику?

— Похож?

— Есть что-то, — к моему удивлению, сказал Иван. — Занятно сняли, никогда такого от бриттов не ожидал! Молодой паренек играл — начинающий, наверное, но очень старался. С таким удовольствием Мишку вспомнил! А вот другой сериал глянул...

Ему хотелось поговорить — и не о вампирах. На работе он явно скучал.

Конечно, есть всякого рода иные болезни — от сумеречной ангины (и не надо смеяться, там правда очень холодно!) и до постзаклинательной депрессии (связана с резким перепадом магической энергии у Иного). И еще есть обычные, человеческие болезни, которые он тоже лечил. Но все-таки целителю второго уровня в нашем офисе не так уж и много работы. А по доброй воле врачей навещают редко.

— Извини, пойду я, девочку навещу, — сказал я, вставая. — Спасибо за чай... Так что, можно отпустить?

— Конечно, — кивнул Иван. — Если хочешь, я сам почищу ей память.

Это было дружеское предложение. Шикарное. Стирать память, да еще молоденькой девчонке, — очень стыдно. Даже ради ее же блага. Ведь, по сути, такой чисткой мы что-то убиваем в человеке.

— Спасибо, Иван, — кивнул я. — Но я, наверное, сам. Не буду переключивать...

Он кивнул. Он тоже все понимал.

Оставив Ивана в кабинете (Или как это у врачей называется — приемная? ординаторская?), я пошел в палату.

Девочка Оля Ялова уже не спала. Сидела по-турецки на кровати и смотрела на дверь, будто ожидая, кто войдет. Выглядело это так похоже на предвидение, что я насторожился и посмотрел на ее ауру.

Нет. Увы, но нет! Человек. Ни малейшего потенциала Иной.

— Здравствуй, Оля, — сказал я, придвигая стул и садясь перед ней.

— Здравствуйте, — вежливо сказала она. Чувствовалось, что она напряжена, но старается выглядеть как можно спокойнее.

В принципе ничто не выглядит более умиротворяюще, чем юная девушка, одетая в пижаму чуть большего размера, чем требуется.

Так, повторим-ка еще раз мысленно, что ей пятнадцать лет...

— Я друг, — сказал я. — Тебе совершенно не о чем беспокоиться. Через полчаса я посажу тебя в такси и отправлю домой.

— А я и не беспокоюсь, — сказала девушка, расслабляясь. Была она от силы на год старше Надюшки, но это был тот самый год, который превращает ребенка во взрослого. Ну ладно, не во взрослого. В не-ребенка.

— Ты что-нибудь помнишь о вчерашнем вечере? — спросил я.

Девушка подумала. Потом кивнула.

— Да. Я шла... — пауза была едва заметна, — в гости. И вдруг услышала... какой-то звук. Будто песня... — У нее слегка затуманились глаза. — Я пошла... там узенький переулок, с одной стороны какой-то магазин, с другой — огороженный двор... там стоял... стояла...

— Девушка? — предположил я.

Обычно оставшаяся в живых жертва вампира помнит само нападение, но совершенно не запоминает хищника. Даже пол. Это что-то вроде защитного механизма, выработанного кровососами за тысячи лет охоты на людей.

Но в случае с Олей был нюанс — вампир (вампириша, если я прав) кормился слишком долго. В таком состоянии вампиры пьянеют и плохо контролируют себя.

Девочка помедлила и кивнула:

— Да. Девушка... Лица точно не помню, худое такое, скуластое... Молодая, кажется. Волосы темные, короткие. Глаза запавшие, темные. Я к ней подошла как во сне. Она махнула рукой, и я сняла шарф. Тогда она, — Оля сглотнула, — она оказалась рядом. Как-то сразу. И...

Она молчала. Но я не останавливал, мне хотелось узнать детали. Дьявол — он в деталях, как известно.

— Она укусила меня в шею и стала пить мою кровь, — сказала Оля. — Долго. Она так подергивалась, стонала... и... — Девушка запнулась на миг. — И лапала меня за грудь. Не как парень... но еще противнее. Мы однажды на сборах с подруж-

кой дурачились... ну, даже было немножко приятно. Я не лесби, не думайте. Мы дурачились. А тут была какая-то мерзость. Она не женщина и не мужчина. Она не человек вообще, вампир... — Девочка-девушка Оля очень серьезно посмотрела мне в глаза. — Она мертвая, да?

— Мертвая, — кивнул я. — Это такая особенная смерть... не окончательная. Не переживай, ты не превратишься в вампира.

— Доктор сказал вчера, — кивнула Оля. — А теперь вы заставите меня все забыть?

Я не стал врать. Кивнул.

— Наверное, я могла бы попросить вас оставить мне память, — задумчиво сказала Оля. — Но... но я не стану. Во-первых, вряд ли вы согласитесь. А во-вторых — я не хочу этого помнить. Я не хочу знать, что на свете есть вампиры.

— Есть еще и те, кто их ловит, — сказал я.

— Это хорошо, — кивнула девушка. — Но все равно я не хочу это помнить. Я же не могу стать одной из вас?

Я покачал головой.

— Пусть я все забуду, — решила девушка. — Пусть я буду думать, что провела время у подруги.

— Только позволь еще один вопрос, — сказал я. — Вампирша точно была одна? Не было рядом мужской особи? Вампира? Может, он и не нападал, просто стоял рядом...

Оля покачала головой.

— Спасибо, ты действительно помогла, — сказал я. — Хорошо. Теперь рассказывай, как все должно быть.

— Я ведь шла к парню, — продолжала Оля. — У нас должен был быть секс. Первый раз. Он вышел меня встречать. И встретил. И когда я пошла к вампирше, он шел следом и спрашивал, чего я, куда я иду... А потом... когда ее увидел... Она улыбнулась Олежке, и у нее клыки блеснули. Тогда он повернулся. И убежал.

У нее была какая-то потрясающая откровенность. Такую иногда встречаешь в поезде, когда напиваются в хлам совершенно незнакомые люди, сведенные на день-два вместе дорогой — и знающие, что никогда больше не увидятся. Еще так откровенны бывают люди, знающие, что жить им осталось совсем недолго.

Но, собственно говоря, так ведь оно и было. Нынешняя Оля Ялова исчезнет навсегда, ведь двенадцать часов ее жизни окажутся стерты. Появится новая Оля. Версия 1.1. Улучшенная, с вычищенными ошибками.

Я молчал. Хорошо, что девочка сказала про парня. Значит, придется...

— У него не забудьте стереть память, — продолжала девушка. — И пусть забудет, что у нас была любовь. И я тоже хочу это забыть.

— Ты не слишком сурова? — спросил я.

— Он убежал. Понимаете? Бросил меня! Отдал чудовищу!

— Оля. — Я взял ее за руку, надеясь, что жест выглядит дружеским или отеческим, а не заигрыванием. — Зов вампира, так же как его взгляд или запах, действует на любого человека, даже самого сильного. Ты не могла не прийти. Твой друг не мог не убежать. Она велела — и он убежал. Я не думаю, если честно, что это любовь всей твоей жизни, но не будь к парню слишком сурова.

Девушка подумала с минуту. Вздохнула, но, кажется, с облегчением.

— Хорошо. Тогда пусть он думает, что испугался толпы хулиганов. И я пусть тоже так думаю. Что мы убежали, но в разные стороны. Пусть ему все-таки будет стыдно, и я на него немножко обижусь. Ну, так... на неделю-другую...

— Какие же вы, женщины, коварные существа! — не выдержал я. — Коварнее любого вампира!

И Оля наконец-то расслабилась, улыбнулась широко и искренне.

— Да! Мы такие!
— Тогда спи, — сказал я.
И она, конечно, уснула.

* * *

Олю, мирно посапывающую на кровати, я препоручил заботам Ивана. Пусть приводит ее в порядок, переодевает, усаживает в такси, отправляет домой. Он доктор, в конце концов. Про юношу Олега, к которому Оля шла на свидание, я тоже ему рассказал — его полномочий хватит на то, чтобы отправить к парню патруль для зачистки памяти.

А я пошел в архив.

Огромная часть наших документов и накопленных Дозором сведений переведена в электронную форму. Конечно, она доступна только во внутренней компьютерной сети, никак не доступна в Интернет нет и в помине.

Куда большая часть документов и сведений остается в бумажной форме. А также папирусной, пергаментной и даже чуть-чуть в глиняной.

Гесер когда-то говорил, что это связано с безопасностью — куда проще наложить защитные заклинания на материальный носитель, чем на — как сказать-то? — гигабайты и терабайты информации? Но мне кажется, что он лукавит. Большую часть этой информации в электронный вид просто не перевести. Или же невероятно сложно.

Вот, к примеру, ведьмовская книга заклинаний. Написана детской кровью на страницах из кожи девственниц. Гадкая вещь, не спору. Но врага надо знать...

Детскую кровь, как мы выяснили, можно заменить кровью стариков. Или взрослых людей. Или свиной кровью. Никакой разницы.

А вот если написать заклинания кровью Иного — они перестанут работать при прочтении. И если собачьей или коровьей кровью — тоже. Но куриная и кошачья годятся!

При этом кожа девственниц — вообще не обязательна, ее можно заменять на любую кожу, любой пергамент и даже любую бумагу. Хоть на туалетную или наждачную. У ведьм так много рецептов с кровью, кожей, слезами и фрагментами тел девственниц только потому, что большинство ведьм — старые страхолюдины. Омолаживающие заклинания у них не работают, только маскировочные. Поэтому ведьмы и ненавидят молодых красивых девушек и делают им гадости при каждом удобном случае. Комплексы...

Но кровь действительно нужна. Как и почему — ученые так и не выяснили до конца. Но копировать такую книгу заклинаний на компьютер бессмысленно, она работать не станет. Заклинаниям из нее не научишься!

Или рецепты целителей. Светлая магия, никаких ужасов... как правило. Но берем, к примеру, популярный рецепт эликсира от мигреней — и обнаруживаем, что пять ингредиентов из семи не записаны, а обозначены запахами! То есть надо понюхать указанные страницы в сборнике рецептов!

И — да, вы совершенно правы — если вместо запаха написать «ваниль», «каштановый мед» и «ржаной хлеб» — эликсир не сработает.

Составляя его, целитель должен понюхать ингредиенты. Даже «толченный мел», который ничем особенным не пахнет. Даже «родниковую воду», которая совсем уж запаха не имеет!

...Тут ученые, кстати, почти единодушны — запахи активируют у Иного гиппокампы, кору височных областей — и это каким-то образом влияет на заклинание. Но каким?..

А что говорить о магических предметах? Или о методиках, которые требуют тактильного контакта? Описать, конечно, можно. Но ценность описания будет очень условной.

Так что в компьютере (а я, конечно, начал с этого) в электронной базе данных оказалась лишь короткая информационная строка:

«ВАМПИРЫ, ОЖИВЛЕНИЕ (некорректное, правильно — ПОВТОРНАЯ ПСЕВДОВИТАЛИЗАЦИЯ) — процесс восстановления псевдожизнедеятельности вампиров после окончательного развеивания (см.), конечного упокоения (см.) или полного физического уничтожения. Описано Чаба Орош (Ч. Орош, 1732—1867), индекс 097635249843, Аманда Ранди Гру Касперсен (А.Р.Г. Касперсен, р. 1881), индекс 325768653166».

С этой распечаткой я и спустился на минус шестой этаж, где после поста охраны (посерьезнее, чем охрана лазарета, двое Иных) меня наконец-то впустили в помещение архива.

Элен Киллоран была ирландкой — случай для московского Ночного Дозора редкий. У нас, конечно, полным-полно выходцев со всех республик бывшего Советского Союза. Поляк есть. Кореец.

Стажеры по обмену опытом вообще бывают отовсюду. Но они ненадолго приезжают, на год-два.

Когда-то, лет десять назад, приехала в Москву и Киллоран. Черноволосая, неторопливая, пунктуальная, застенчивая, непьющая — в общем, совершенно не похожая на ирландок, как их представляет массовая культура. Она была Иная пятого уровня, что ее ничуть не смущало и не волновало. Ее страстью была древность. Не будь она Иной — все равно проводила бы всю жизнь в архивах, магия стала для нее лишь изюминкой в пироге из старых документов и артефактов.

Элен Киллоран обожала систематизировать. И Москва стала для нее раем, давно уже недостижимым в Европе.

Нет, у нас хорошие архивы. Там ничего не пропадает. Там все надежно лежит. Столетиями.

Я смутно помнил, что до Киллоран архивом заведовал веселый общительный мужчина, у которого был один недостаток — он ничего не мог найти. Разве что случайно. А так —

большее, на что мог рассчитывать посетитель, это открытая дверь и мощный фонарик, потому что проводка барахлила и в любой момент можно было остаться посреди огромного зала в полной темноте.

Элен за год навела в архиве порядок — точнее, то, что мы готовы были признать порядком. Потом она каталогизировала и классифицировала все, включая неразобранные материалы — таких оказалось девяносто процентов. После чего сообщила Гесеру, что работы здесь на сорок-пятьдесят лет, поэтому она примет российское гражданство и заключит контракт с Ночным Дозором. Гесер вытаращил на нее глаза, сказал, что в качестве бонуса Дозор купит ей квартиру рядом с офисом. Элен смутилась и сказала, что ничего покупать не надо, достаточно оплачивать аренду. Гесер резонно объяснил, что за полвека стоимость аренды составит несколько квартир, после чего приставил меня к Элен — помочь ей в прохождении бюрократических препон.

Как по мне — так надо было Элен на все формальности наплевать. И на гражданство, и на квартиру. Она все равно в нашем архиве практически жила, выбираясь раз-два в неделю, — при архиве предусмотрительно была жилая комнатуха с санузлом. Но я честно помог ей справиться с московской бюрократией, после чего мы стали приятелями (в той мере, в какой можно было быть приятелем Элен, если ты не древний манускрипт).

Открыв дверь архива, я вошел в огромный темный зал, уставленный стеллажами от пола до высоченного потолка. Таких залов в подвале было несколько десятков, но Элен всегда работала в первом, наверное, даже ей было здесь одиноко. Покашляв, чтобы как-то обозначить свое появление, я двинулся сквозь полутьму к ослепительному конусу света в центре зала. Элен сидела за столом, на котором высилась огромная картонная коробка из-под телевизора «Горизонт-112», и перебирала сложенные в коробку тоненькие школьные те-

традки. Над головой архивариуса горела одна-единственная мощная лампа в металлическом абажуре. На Элен были затертые джинсы и теплая вязаная кофта — отопление не могло согреть огромный подвал.

Моему появлению Элен искренне обрадовалась. Мне был предложен чай (от которого я вежливо отказался, что, впрочем, не помогло) и любая необходимая помощь. В качестве ответной любезности я побеседовал с Элен о творчестве Констебля и Тернера (моим вкладом в мини-лекцию было внимательное слушание и поддакивание) и выпил полкружки чая.

Мысленно я сделал себе заметку — надо организовать среди сотрудников дежурство по архиву и лазарету. Пусть периодически заходят с вопросами и делами к тем нашим сотрудникам, что закопались в своих берлогах. Кроме доктора и архивариуса, наверняка есть еще кто-то. Ученые в научном отделе. Оружейники... хотя нет, вот к ним заходят часто и охотно. А у Киллоран я и сам невесть сколько времени не был, как бы не год или больше...

Надо, надо направлять молодежь к нашим затворникам. И им веселее будет, и начинающим Иным — польза.

— Зачем такая редкая информация, Антон? — спросила Элен, проглядывая мой запрос. Тут же спохватилась: — Если это не секрет, конечно.

Мой уровень и положение в Дозоре позволяли мне в принципе запрашивать любую информацию без всяких объяснений. Но ничего плохого в том, чтобы посоветоваться с Элен, я не видел.

— Произошла серия нападений вампира на людей, — сказал я. — Жертвы все живы.

— А сколько их?

— Семь, — сказал я. И повторил: — Все живы.

Элен приподняла бровь, глядя на меня.

— Александр Погорельский, — начал перечислять я. — Николай Рё. Татьяна Ильина. Оксана Шемякина. Нина Ли-
сицына. Геннадий Ардов. Оля Ялова.

— Ты назвал имена и фамилии, — задумчиво сказала Элен. — Ты не назвал возраст, род занятий, обстоятельства нападения. Это первая странность. Среди жертв — мужчины и женщины, хотя обычно кровососы гендерно специализируются... в вампиризме очень много сексуального. Это вторая странность. Все жертвы живы — значит, вампир хорошо контролирует себя. Но в таком случае как Дозору стало известно о нападениях? Нет ничего сложного в том, чтобы скрыть преступление, если жертва жива! Просто стереть память, а недомоганию человек придумает какое-то объяснение... грипп... И это третья странность.

Я кивнул. Я искренне наслаждался беседой. Конечно, Элен не оперативник и никогда им не была. Но я ведь уже сказал, что ей нравится систематизировать?

— И четвертая странность — зачем ты все рассказал мне, — закончила Элен. — Видимо, хочешь либо подтверждения своим догадкам, либо моего совета... что странно, конечно... О нет! Есть еще и пятая странность. С какой стати ты, Высший маг, занимающийся обучением начинающих Иных, вообще занялся этим делом?

— Bravo! — сказал я.

— Версия первая, — продолжала Элен. — Ты решил... или Гесер решил... что я засиделась в архиве. Тебя самого когда-то вытащили из компьютерного центра и отправили патрулировать улицы. Мне не нравится эта версия, я очень люблю ваш архив!

— Элен, — я прижал руку к груди, — клянусь, что не собираюсь вытаскивать тебя из уютного архива на шумные московские улицы!

— Тогда вторая версия. Ты ждешь совета.

Элен достала из кармана джинсов потертую записную книжку и огрызок карандаша. Быстро записала что-то на чистую страницу. Потом кивнула.

— Ага. Ты не зря назвал мне имена. Александр-Николай-Татьяна-Оксана-Нина-Геннадий-Ольга. Берем первые буквы. А-Н-Т-О-Н-Г-О... Антон Городецкий. Вампир намекал, что ему нужен ты. Вампир лишь нападал, но не убивал, потому что ему было нужно, чтобы о преступлениях узнали в Дозоре. Вампиру было плевать, кого кусать — маленькую девочку или пенсионера, лишь бы буквы совпали. Очевидно, все это понял и Гесер — потому и поручил тебе расследование. Этот вампир — это из твоего прошлого вампир... так?

— Все так, — сказал я. — Только не вампир, вампирша.

— Кто-то запомнил? — удивилась Элен.

— Последняя жертва, Оля. Вампирша на ней насосалась до безобразия, память не затерла. Но дело даже не в этом.

Несколько секунд Элен молчала. Потом вновь посмотрела в блокнот.

— Ну да, — сказала она. — Конечно. Погорельский, Рё, Ильина, Шемякина, Лисицына, Ардов, Ялова. П-Р-И-Ш-Л-А-Я.

— «Пришла я». Немного странно для вампира.

Элен удивленно посмотрела на меня.

— Какое-то средневековое благородство, «иду на вы», — пояснил я.

— Странно, говоришь... — кивнула Элен, разглядывая блокнот. — Я пришла, значит... Может быть, напугать хотела? Интересно. Что ж она собиралась в итоге написать... этими укусами... А Гесер заметил?

— Кто ж его знает? Вряд ли шеф глупее меня.

— Но что тебе от меня нужно, вот загадка, — пробормотала Элен. Совершенно беззастенчиво стала грызть ноготь. — Материалы я тебе и так все найду. Совет? Ну, приятно, если так...

Поэмы

Сергей Лукьяненко • Шестой Дозор

— Совет, — подтвердил я. — У тебя склад ума такой... своеобразный. Если ты в этом бардаке навела порядок, то и в этих данных сумеешь.

— Это какая-то вампирша из твоего прошлого, — сказала Элен. — Судя по запрошенной информации — ты ее упокоил... но предполагаешь, что она вернулась.

— Не я упокоил. Инквизиция. Но ее действительно упокоили, Гесер проверил. Это единственная женская особь вампиров, которая могла бы иметь на меня зуб... прости за дурацкий каламбур. Логично предположить, что она как-то восстала из мертвых.

— Я найду все документы, — пробормотала Элен. — Но вот чем еще помочь... ты же не дурак, ты сам все заметил.

— Подумай, Элен, — попросил я. — Я эту историю не хочу выносить на публичное обсуждение...

— Да что тут думать? — Элен закрыла блокнот. — Все, что можно, ты из этих ФИО уже получил... ведь получил? Из всего?

Мы уставились друг на друга. Потом Элен усмехнулась.

— Ты! Русский человек! У вас, русских, есть уникальная вещь — отчество. И ты не подумал, что если имя и фамилия что-то значат, то надо проверить и...

Я уже ее не слушал. Я закрыл глаза и вспоминал. В молодости, готовясь к экзаменам, я был уверен, что у меня плохая память. Но способности Иного творят чудеса...

— Александр Зиновьевич. Николай Алексеевич. Татьяна Тимофеевна. Оксана Олеговна. Нина Борисовна. Геннадий Орестович. Ольга Игоревна.

— З-А-Т-О-Б-О-И, — произнесла Элен то, что я понял уже и сам. И что ожидал услышать.

— Пришла я... — произнес я послание, составленное из первых букв фамилий.

— За тобой... — сочувственно продолжила Элен. — Как я понимаю, в русском языке нет отчеств на «и краткое»?

— Антон Го... — закончил я. — Вот же мразь дохлая... За мной она, значит, пришла? Отомстить решила?

— Успокойся, — миролюбиво сказала Элен. — А если бы она написала «За твоей»? За твоей дочерью, за твоей женой? Зачастившее было сердце стало биться спокойнее.

— Да. Ты права, это не самый худший вариант, — сказал я. — Спасибо, Элен, ты и впрямь увидела то, что я проглядел.

— Это потому, что я не русская и смотрю со стороны, — наставительно сказала ирландка. — Антон, ты же Высший Иной. И жена твоя — тоже. А дочь — Абсолютная. Что может против вас одна вампирша? Даже если она ожила? Даже если она стала Высшей?

Я не ответил. Все было так... вот только неприкрытая дерзость нападений, этот открыто брошенный вызов — он словно вопил «не все так просто».

— Не все так однозначно, — сказал я.

— Посиди, Антон, — вздохнула Элен. Взяла мою распечатку, из ящика стола достала огромный фонарь. — Пошла я за твоими документами.

— Почему ты ходишь по архиву с фонарем? — спросил я.

— Некоторые документы не любят света, — ответила Элен. — Они могут испугаться и исчезнуть на несколько дней... или лет.

Она сделала шаг из конуса света в темноту и пропала. Через миг ее голос донесся до меня уже издалека — она шла по залу, не зажигая фонаря.

— А еще в темноте здесь не так страшно, Антон! Многого не

видно...

